

Наследие

А.Л. Яншин

Н.К. Рерих и В.И. Вернадский

Академик Александр Леонидович Яншин (1910–1999) – выдающийся ученый и общественный деятель XX века, энциклопедист, крупнейший исследователь региональной геологии и тектоники, создатель классических трудов по стратиграфии, палеонтологии, литологии и полезным ископаемым обширных территорий азиатской части России и сопредельных стран. Он был одним из создателей Научного центра в Новосибирске и Экологической академии в Москве, научным руководителем Советско-Монгольской комплексной экспедиции и директором Института литосферы РАН, президентом Московского общества испытателей природы, членом многих Научных советов при Академии и редколлегий журналов. В 1982–1989 гг. Александр Леонидович был вице-президентом АН СССР.

Вместе со Святославом Николаевичем Рерихом он разрабатывал проект по расконсервации Института Гималайских исследований «Урусвати» и создания сети биосферных станций, который, к сожалению, не заинтересовал руководство АН СССР. С Международным Центром Рерих его связывала многолетняя дружба и искренний интерес к наследию семьи Рерихов. Александр Леонидович принимал деятельное участие в судьбе общественного Музея имени Н.К. Рериха, всегда выступал в его защиту от произвола госчиновников.

Особое место в жизни и творчестве А.Л. Яншина занимала тема наследия великого Вернадского. Александр Леонидович в 1985 г. возглавил академическую комиссию по разработке научного наследия В.И. Вернадского. Мы публикуем его доклад, произнесенный на юбилейных Рериховских чтениях (1997) в Музее имени Н.К. Рериха¹.

В России всегда было много светлых умов, подлинных творцов в разных областях науки и искусства, признанных во всем цивилизованном мире. Оглядывая сейчас, с порога третьего тысячелетия, первую половину нашего XX века мы замечаем среди множества вершин две особенно высокие, свет которых не угасает, не ослабевает, а, наоборот, с течением времени становится все более ярким.

¹ Печатается по: Мир огненный. № 16. 1998. С. 12–16.

ТРУДЫ
РАДИЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ

Володе Вернадскому 4 года. 1867

Это – Николай Константинович Рерих (1874–1947) и Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). Люди разных сфер жизни, ни разу не встречавшиеся друг с другом, не переписывавшиеся, не писавшие друг о друге и в то же время связанные рядом общих особенностей, которые делают их близкими нам, современникам.

Первый – великий художник, но в то же время мудрец. Учитель с большой буквы, путешественник, писатель, поэт, автор многотомного труда – учения Живой Этики, которая в будущем, возможно, станет Библией общей религии объединенного человечества.

Второй – великий ученый, энциклопедист в области естествознания, кристаллограф, минералог, геохимик, основоположник биогеохимии и радиогеологии, но в то же время глубокий философ и мыслитель, создатель учения о биосфере Земли и о неизбежности ее преобразования в сферу человеческого разума – ноосферу, в которой все человечество будет объединено и начнет разумно преобразовывать природу для максимального удовлетворения своих материальных и духовных потребностей.

О Николае Константиновиче Рерихе и его творчестве в изданиях Международного центра Рерихов опубликовано много работ. О Владимире Ивановиче Вернадском и его творчестве существует огромная литература, но в изданиях этого Центра нет ни одной статьи.

Поэтому, прежде чем искать черты сходства между этими двумя вершинами, мне следует кратко рассказать о В.И. Вернадском.

Это был гениальный русский ученый, которым Россия по праву гордится, сделавший крупный вклад в развитие естествознания в первой половине XX века. Он родился в Санкт-Петербурге 12 марта 1863 года, там же закончил гимназию. Потом, как тогда полагалось успешно заканчивающему студенту, получил на два года командировку для пополнения образования в университетах Центральной и Западной Европы. Там он встретился с профессором Московского университета А.П. Павловым, который пригласил его в Москву преподавать в университете минералогии и кристаллографию. Этими и другими науками он успешно занимался 20 лет, с 1881 по 1911 год, в 1911 году вместе со многими другими профессорами Московского университета подал в отставку – в связи с реакционными приказами министра просвещения Л.А. Кассо, переехал в Санкт-Петербург, там был директором Минералогического музея и затем в 1934 году вместе со всей Академией наук переехал в Москву.

Чем он замечателен? Прежде всего, необычайной широтой охвата различных сторон естествознания. Начинал он с почвоведения как ученик создателя современного почвоведения В.В. Докучаева. От него перешел к минералогии, изучая минералогический состав почв. В минералогии он не только внес новую струю, но и создал новое направление в изучении: он стал изучать минералы в динамических условиях, а не статических, то есть происхождение и все превращения минерала в процессе выветривания или в процессе метаморфизма – генезис минерала и его динамику. Это было совершенно новое, очень плодотворное направление. Но минералы часто встречаются в виде кристаллов, поэтому В.И. Вернадский стал заниматься кристаллографией, и его докторская диссертация, которую он защитил в 1897 году, была чисто кристаллографической – «Явления скольжения кристаллического вещества».

Он очень много путешествовал, посетил все районы бывшей России, бывшего СССР, много путешествовал по странам Западной Европы, побывал в США и Канаде. У него везде были друзья, он великолепно говорил на всех европейских языках и печатался в зарубежных журналах. Был очень плодовитым: общее число его работ более 700. В конце первого десятилетия прошлого века, ознакомившись с трудами американца Ф.У. Кларка по среднему химическому составу земной коры, он стал разрабатывать основы той науки, которая позднее получила название геохимии. От геохимии он перешел к радио-

геологии. Еще в 1910 году на общем собрании Академии наук (он был уже к этому времени избран академиком) Вернадский сделал первый доклад «Задача дня в области радия». И уже тогда, в 1910 году, говорил о том, что нужно изучать явления радиоактивности, потому что при этих явлениях происходят выделения энергии, и если мы сможем повлиять на скорость радиоактивного распада, то получим в свои руки такой источник энергии, которого история еще не знала. Тогда же, еще в дореволюционной России, он организовал поиски урановых и радиевых руд, увенчавшиеся успехом, – в 1916 году было открыто Тюя-Муюнское месторождение урановых руд в Фергане. Из руд этого месторождения были получены первые миллиграммы отечественного радия. В 1922 году, уже при советской власти, ему удалось добиться создания Радиевого института, который и сейчас работает в Санкт-Петербурге. До 1939 года он был директором этого института и направлял его работу не только на поиски и изучение химического состава различных радиоактивных руд, но и на технологические опыты по ускорению радиоактивного распада для получения больших коли-

честв энергии. В предисловии к книге «Очерки и речи» в 1922 году он писал о том, что недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за все последствия их открытий.

В 1939 году немецкий ученый Отто Штрассер показал, что при обработке некоторых изотопов урана пучками электронов можно значительно увеличить скорость их распада. И когда это случилось, В.И. Вернадский зазвонил во все колокола о том, что неизбежно буквально в ближайшие годы открытие практических возможностей использования атомной энергии, и по его настоянию были открыты новые лаборатории. И.В. Курчатов был его учеником в Радиевом институте и довел дело до конца, до использования техники для ускорения процесса радиоактивного распада и получения огромного количества атомной энергии.

В.И. Вернадский (справа в кресле) в кругу друзей по Санкт-Петербургскому университету

И.В. Курчатов в Радиевом институте

В.И. Вернадский был крупным организатором. Он был инициатором создания Украинской академии наук и первым ее президентом. Он был создателем в 1927 году лаборатории «Биогел» для изучения биогеохимии, то есть химического состава живого вещества. Эта лаборатория превратилась в конце концов в теперешний, носящий его имя Институт геохимии и аналитической химии, который является одним из наиболее крупных и важных в системе Академии наук. Он был создателем ряда комиссий. В частности, во время Первой мировой войны организовал Комиссию по изучению естественных производительных сил России, которая дала очень много ценных открытий, в частности наших первых месторождений алюминиевых руд. Но самое главное – то, что он в 1920–1930 годы разработал учение о биосфере, той оболочке Земли, в которой существует жизнь. Академия наук издала солидный том работ В.И. Вернадского, посвященных живому веществу и биосфере. Он установил закономерности ее развития, выяснил судьбу энергетических процессов, происходящих в ней, скорость размножения разных групп организмов – словом, создал законченное учение о биосфере. И предсказал, что под влиянием человеческого разума, научной мысли биосфера должна превратиться не в техносферу, а в сферу человеческого разума, в ноосферу, в которой будет обеспечено параллельное и взаимодополняющее развитие человеческого общества и окружающей его природной среды. Такова самая краткая характеристика деятельности В.И. Вернадского.

Что же сближает В.И. Вернадского с Н.К. Рерихом? Что делает их творчество нужным для современности, а их самих близкими нам?

Прежде всего следует отметить синхронность их творческой жизни. В.И. Вернадский родился на 11 лет раньше Н.К. Рериха, но ушли из жизни они почти одновременно: первый – в 1945 году, а второй – в 1947 году. У обоих главный период творчества продолжался почти всю первую половину XX века.

Различий у В.И. Вернадского и Н.К. Рериха больше, чем сходства.

У В.И. Вернадского ум был аналитический, у Н.К. Рериха скорее синтетический, художественно-поэтический, но подход ко всему у обоих был исторический.

Чтобы подчеркнуть то, что их объединяло и связывало, я хочу вспомнить творчество Козьмы Пруtkова, т.е. сатирического коллектива талантливых писателей конца XIX в. Один из афоризмов Козьмы Пруtkова звучит так: «Талантами измеряются успехи цивилизации, и они же представляют верстовые столбы истории, служа телеграммами от предков и современников к потомству». Нужно сказать, что В.И. Вернадский и Н.К. Рерих, конечно, были в числе основных верстовых столбов в развитии мировой цивилизации первой половины XX века.

Что их объединяет?

Прежде всего космизм восприятия окружающего. Н. Коперник доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, еще в середине XVI века; в 1543 году вышла его работа «Об обращении небесных сфер», которая положила конец древним представлениям о том, что Земля является центром Вселенной. Но это было чисто научное открытие, которое не дошло до широких масс населения и никак не проникло в жизнь человечества. Пожалуй, первым человеком, который стал обсуждать вопросы связи земных явлений с космическими, был Александр Гумбольдт в середине XIX века. Недаром свое последнее пятитомное незаконченное сочинение он так и назвал: «Космос». Сейчас мы в нашем представлении несколько отделяем Землю и окружающий Космос, в середине же XIX века Земля правильно считалась частью Космоса, поэтому в этом своем пятитомном труде А. Гумбольдт рассматривал и все земные процессы, но в тесной связи с жизнью Солнца, выяснял влияние Луны на при-

ливы, то есть в первый раз рассматривал явления земные под влиянием и воздействием на них внеземных космических причин. Такое направление исследований, получившее название русского космизма, имело большое развитие в России в конце XIX – начале XX века. Это Н.Ф. Федоров, А.Л. Чижевский, книга которого «Земное эхо солнечных бурь» переиздавалась несколько раз, К.Э. Циолковский – скромный учитель в Калуге, первым подавший правильную мысль о возможности использования ракетной техники для освоения космического пространства.

Н.К. Рерих всецело был проникнут интуитивным ощущением космической энергии. Достаточно почитать книгу Л.В. Шапошниковой «Мудрость веков», чтобы увидеть, как много внимания Н.К. Рерих уделял вопросам освоения космической энергии природой Земли и человечеством. В книге об этом целые великолепно написанные главы. Я хочу сказать, что некоторые отражения космизма Н.К. Рериха мы можем видеть даже в его художественном творчестве. В Музее вывешено большое количество его гималайских этюдов. Можно ли сказать, что Н.К. Рерих как художник был реалист? Нет, это не передвижник, это не фотограф действительности. Я не был в высоких Гималаях, но любовался ими несколько раз с низких вершин в предгорьях, которые достигают 2,5 км высоты, и несколько раз днем пролетал над Гималаями. И я могу сказать, что Н.К. Рерих, рисуя Гималаи, писал их вполне правдоподобно; там нет ни одной абстрактной черты. Но если вы будете сравнивать с натурой, то убедитесь, что он чуточку увеличил крутизну склонов. Он больше рисовал вертикальных стенок, крутых обрывов, которых на самом деле в Гималаях меньше. И он часто придавал снеговым вершинам такую цветовую гамму, которая существует, может быть, на заре или на закате какого-нибудь одного дня в году, но он брал именно ее. Вода: большинство художников, рисуя воду, дают ей синеватые, голубоватые оттенки. Этих оттенков вы на картинах Н.К. Рериха не увидите. Вода у него обычно серая. Когда он рисует в ранних своих картинах Древнюю Русь – темно-серая, когда же ему нужно оттенить темные склоны гор – она белой лентой тянется среди темных склонов. Все это бывает, но бывает, быть может, раз в тысячу дней. И черты эти вполне правдоподобные. Но все-таки отличающиеся от ежедневного освещения, от ежедневных наблюдений. И чего он достиг этим? Когда вы подходите к картинам Н.К. Рериха о древнерусской жизни, то сразу чувствуете, что это что-то не современное, это древность. Он нашел художественный способ, не отступая от правдоподобия, передавать ощущение древности. Так

же и в гималайских этюдах: вы смотрите на эти горы, узнаете отдельные вершины, и в то же время у него Гималаи – это стена, отделяющая наш обычный жизненный мир от Шамбалы. За этой стеной гор – что-то другое, чувствуется что-то более высокое, чем сами эти горы. Николай Константинович свое чувство космичности, как мне кажется, передавал даже в своей живописи.

В.И. Вернадский тоже был космистом, но он как естествоиспытатель изучал, какое количество солнечной энергии ежегодно достигает поверхности Земли, какая часть этого количества уходит на разогрев воды океанов и поверхности суши, а какая с помощью хлорофилла зеленых растений тратится на создание органического вещества из неорганического: из воды, углекислого газа, некоторых минеральных компонентов. Далее, он прослеживал судьбу той энергии, которая перешла в живое вещество: какая часть этой энергии тратится на движение живого вещества, какая расходуется на преобразование живым веществом мертвой природы, на изменение состава минералов, на процессы выветривания, а какая часть сохраняется вместе с органическим веществом в слоях земной коры, уходит на глубину и превращается в конечном счете в залежи угля, нефти, горючего газа. Он несколько раз подчеркивал, что когда мы используем это подземное топливо, мы используем солнечную энергию, которая была захвачена органическим веществом, вместе с ним ушла в глубины Земли, а теперь мы из Земли извлекаем эту солнечную энергию для наших промышленных, транспортных и бытовых нужд. И Вернадский во многих своих работах, не только популярных, подчеркивал, что мы живем космической энергией. Он допускал существование и других малоизвестных лучевых компонентов, приходящих на поверхность Земли от звезд, в отраженном виде от других планет, но главным источником он считал тепловые и световые лучи Солнца. Вот такое понимание: у одного интуитивное, у другого чисто научное, связей Земли с Космосом – это первая черта, свойственная и В.И. Вернадскому, и Н.К. Рериху.

Далее я бы хотел сказать о следующем. В.И. Вернадский и Н.К. Рерих были патриотами. Вернадский четыре года провел во Франции – с мая 1922 года до мая 1926 года. Он поехал туда по приглашению ректора Сорбонны, высшего учебного заведения Франции, читать лекции по геохимии. Там он создал свою «Геохимию», свою «Биосферу». А в 1926 году, когда кончился срок всех продленных командировок и друзья уговаривали его не возвращаться в Россию, а остаться там, он сказал, что может еще быть полезен для Родины и поэтому должен вернуться. И больше того,

до 1934 года он ежегодно летом выезжал в разные страны – то в Скандинавию, то в Германию и Италию, чаще и больше всего во Францию и, конечно, имея приглашение работать в самых оснащенных научных лабораториях и в несоизмеримо лучших условиях, чем в России, всегда возвращался домой, полагая, что его работа нужна именно Родине. В самые тяжелые дни Великой Отечественной войны В.И. Вернадский утверждал, что в XX веке проповедующий дикие идеи средневековья никогда не может иметь успеха, что фашизм обречен на гибель, что разум, добро и справедливость должны победить и восторжествовать.

О чувствах Николая Константиновича мы все знаем, в особенности его негодовании во время Великой Отечественной войны по поводу варварства немцев, его искреннем пожелании успеха нашим войскам в борьбе с гитлеровцами; да и в своих произведениях он вспоминал Родину и не считал себя покинувшим Россию эмигрантом.

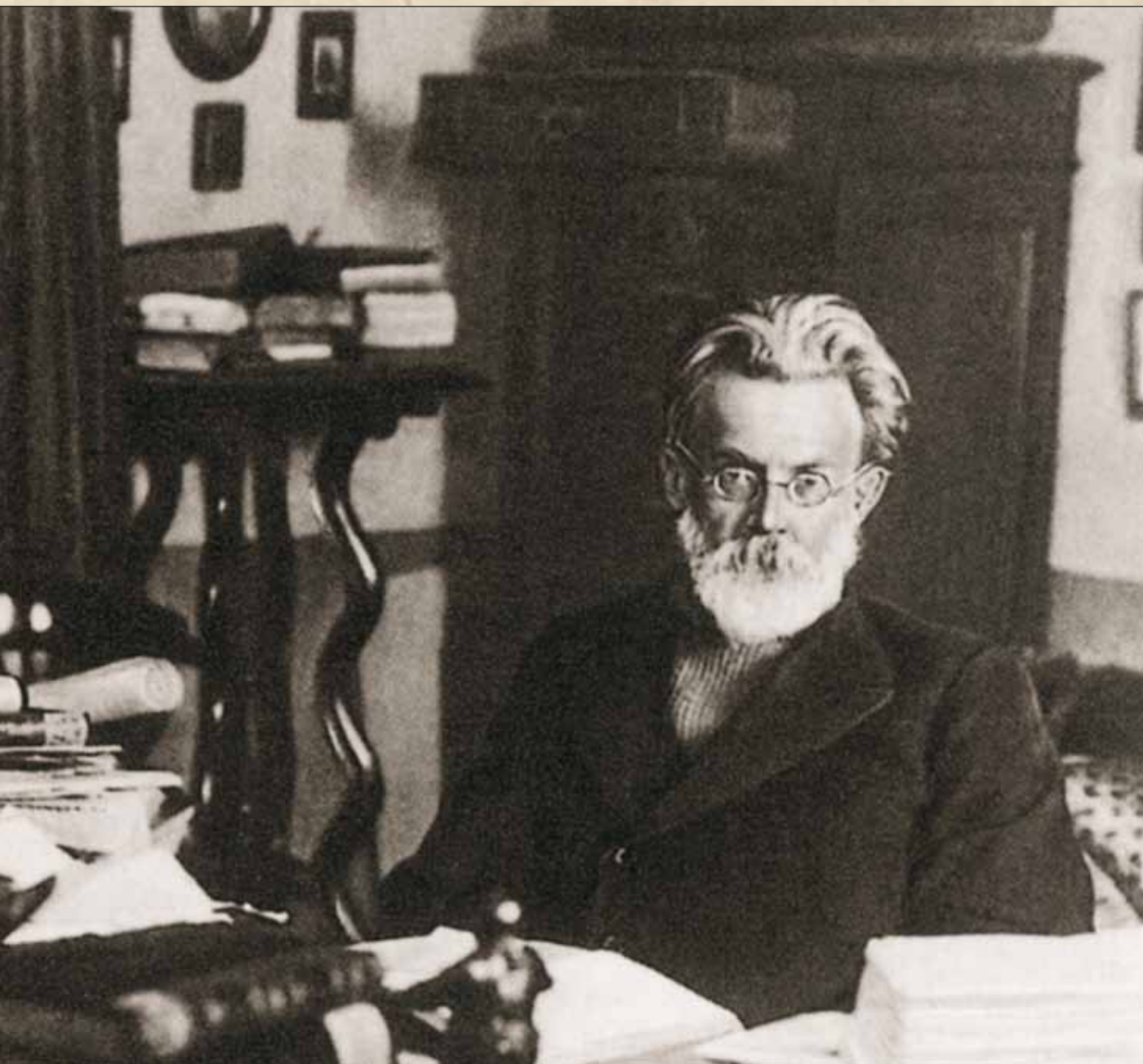
Но в то же время, будучи патриотами, и В.И. Вернадский, и Н.К. Рерих чувствовали себя гражданами не какой-то национальности, а гражданами мира. Оба они великолепно владели многими иностранными языками, оба чувствовали себя комфортно и в Лондоне, и в Нью-Йорке, и в Риме, и в Индии. Оба они проповедовали стремление к объединению национальных культур. Оба пропагандировали – В.И. Вернадский в учении о ноосфере, Николай Константинович и в учении Живой Этики, и в других своих книгах – объединение духовное, экономическое, политическое народов Земли. И были оптимистами, верили, что существующая рознь между народами пройдет.

Интересно, что оба они, и В.И. Вернадский, и Н.К. Рерих, были поклонниками новой индийской философии. Они знали хорошо Веданту и средневековых индийских философов, но их особенное внимание привлекали идеи отшельника конца XIX века Шри Рамакришны Парамахамсы и его блестящего высокообразованного ученика Свами Вивекананды, который проповедовал свои идеи не только в Индии, но и в Америке, и в Европе. Что привлекало их обоих в этой новой индийской философии? И Рамакришна и Вивекананда прежде всего учили, что все религии – только разные формы поклонения единому Богу, что нет никакой принципиальной разницы в моральных устоях, в этике, которую проповедовали создатели различных религий. Потом этический смысл Евангелия стал искажаться уже в посланиях апостола Павла. Затем подверглись значительным изменениям и заповеди Магомета при составлении суртолкований Корана в Александрии. Первоначальные же этические источники всех религий одинаковы, поэтому и Бог един. А что есть Бог?

Один из афоризмов Парамахамсы: «Все живое есть бог». Этот пантеизм, признание всего живого Богом, привлекало внимание и Н.К. Рериха, и В.И. Вернадского. Когда последний узнал, что в Лондоне вышло на английском языке пятитомное издание сочинений Вивекананды, забросал письмами своих лондонских друзей, пока не получил этого издания в середине 20-х годов, и детально его изучил (английский язык он знал превосходно).

Эти черты сближают двух великих мыслителей первой половины XIX века. Значительная часть Живой Этики имеется на английском языке, издавалась неоднократно. Но не все написанное Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной имеется в английских изданиях.

В.И. Вернадский в рабочем кабинете. Петроград, 1921

И у В.И. Вернадского были переведены его ранние работы, а поздние – наиболее глубокие, в особенности последняя работа «Научная мысль как планетное явление», до сих пор не были известны на Западе, хотя они-то и представляют собой квинтэссенцию взглядов В.И. Вернадского.

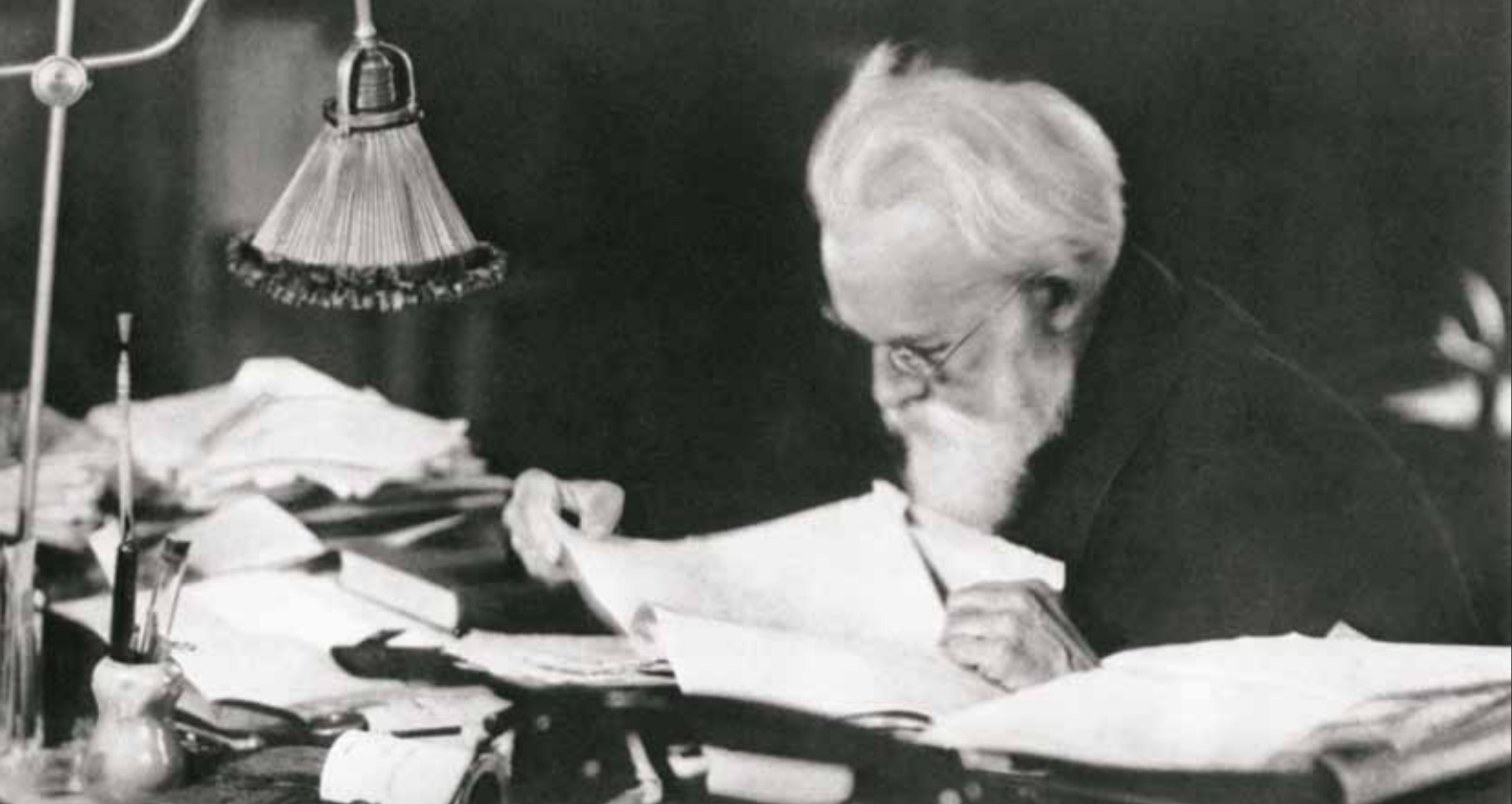
Оба эти мыслителя огромное значение придавали науке. У Николая Константиновича есть замечательные слова о том, что наука в ее дальнейшем развитии заменит религию, что религия и вера были нужны, когда многое оставалось нам непонятным. Наука должна точными знаниями

освободить нас от веры, мы должны *знать*, а не только верить. И почти такими же словами свои убеждения передавал В.И. Вернадский. Недаром он считал, что наше будущее – это эра человеческого разума, ноосфера, которая преодолет все международные розни, существующие сейчас.

Нам удалось с большим трудом только что начать англоязычное издание работ В.И. Вернадского. Я хочу преподнести английский перевод книги «Научная мысль как планетное явление»² Международному Центру Рерихов и всех вас поблагодарить за внимание.

² Vernadsky V.I. Scientific Thought as a planetary phenomenon. M.: Nongovernmental Ecological V.I. Vernadsky Foundation, 1997. 265 p.

В.И. Алексеева

В.И. Вернадский о науке и религии

В продолжение темы, начатой в журнале «Культура и время» в 2003 году¹, материал, представленный в данном номере, можно было бы назвать «Неизвестный Вернадский». Размышления о соотношении науки и религии такого выдающегося представителя естествознания, каким был и остается для нас Владимир Иванович Вернадский, всегда актуальны и очень познавательны. Тем более что источником их – пусть фрагментарным – являются неопубликованные дневники. Формат дневниковых записей имеет свои преимущества: он отражает сиюминутную реакцию человека на конкретные события конкретного времени, представляет автора и мыслителем, и гражданином, и читателем с его философскими и литературными пристрастиями. В дневниковых записях отражена живая мысль человека, который не предлагает нам уже найденное, безапелляционно

артикулированное знание. Напротив, он ставит целый ряд вопросов, находится в поисках ответов на них, предлагает платформу для размышлений, но не готовые решения.

Дневниковые записи Вернадского свидетельствуют о высокой культуре мышления, присущей уму, шагнувшему далеко за рамки узкого профессионализма и работавшему на стыке многих научных направлений. Эта культура – в столь часто встречающемся среди ученых-естественников отрицании исторически сложившейся религиозной мысли, в интересе к Библии и Бхагавадгите, ко многим другим достаточно разнообразным источникам, а также к конкретным примерам религиозной судьбы разных людей.

Однако утрата ученым интереса к Библии закономерна. Он сам свидетельствует об этом. Общенаучный подход, методология логики в применении к библейским сказаниям оказываются

¹ Культура и время. № 1. 2003. С. 108–119.

безрезультатными. Содержание Библии не согласуется ни с известной историей человечества, опирающейся на целый комплекс наук (археологию, палеографию, сравнительное языковедение, общую историю), ни с естественнонаучной теорией происхождения человека. Интерпретация Книги книг по сей день является фундаментальной проблемой логики, семиотики, религиоведения и многих других дисциплин. Ее символическая архитектоника требует иного инструментария для раскрытия содержащейся в ней информации.

Так, одним из неразрешенных противоречий между символическо-религиозным и естественнонаучными подходами до сих пор является происхождение человека. Этот вопрос по сей день служит камнем преткновения на пути сближения научного и религиозного дискурсов. Именно об этом, по существу, размышляет Вернадский. Логично предположить, что одним из решений мог бы быть поиск общей платформы, на которой базируются все исторические типы религиозности, мировые религии. Именно в этом контексте Вернадский упоминает известные ему имена людей, стремившихся к основанию универсальной религии. Ему могли быть близки слова Свами Вивекананды: «Религия не в воздвижении храмов, не в посещении церковных служб, не в книгах, не в словах, не в лекциях, не в организациях, религия в связи между душой человека и Богом, в осуществлении этой связи»². К вопросу о душе человека мы обратимся чуть позже.

Что в качестве общего начала у науки и религии видит сам Вернадский? *Этическую платформу*. Религии проповедуют равенство людей в духе, они социально демократичны. Ученый прямо указывает: «...научная мысль не может быть в стороне от религиозных переживаний и не может исчезнуть, так как она касается прежде всего этики – поведения человека». Из всех аспектов научного подхода к освоению действительности в данном случае он выделяет один – нравственный, одновременно глубоко индивидуальный и социальный. Вернадский поддерживает мысль, что именно в этом аспекте ни наука, ни разнообразные религии не выполнили своей миссии, о чем свидетельствуют трагические события Второй мировой (Великой Отечественной) войны. Ни наука как объективное знание о мире, ни религиозные учения о нравственности не внесли мира в мир. Именно это и стало основным содержанием мировоззренческого кризиса, о котором Вернадский писал в августе 1943 года.

Ученый выразил надежду на выработку методики научного обоснования религии. Сравним эту позицию с присущей космистской мысли в целом тенденцией к рационализации религиозного знания. Какова цель? Активизировать те духовно-нравственные начала, которые заложены в религии, сделать ее инструментом как практического совершенствования человека, так и непосредственного воздействия на социальную реальность.

К.Э. Циолковский писал, с одной стороны, о научных основаниях религии, с другой – о научном базисе этики в целом. Уже в первой научной статье на эту тему «Научные основания религии» (1898) он указывал на то, что наука слаба, а вера недействительна. И это утверждал основоположник теоретической космонавтики и крупный изобретатель! При этом он в одинаковой степени возлагал надежды и на науку, и на веру, отмечая недостатки последней: «Полная вера дала бы нечто поразительное, и недаром сказал Христос: если бы у вас была вера величиною с горчичное зерно, то вы могли бы по одному слову двигать горами. Что-то не видно такой силы. А если ее нет, то, стало быть, вера наиболее верующих менее горчичного зерна»³. Статья же «Научная этика» (1930) обосновывала бессмертие всего живого, всеобщий закон взаимовыручки и братственной любви, исходя из посылок материалистического монизма и бесконечного круговорота живой и мертвой материи, из цикличности. Именно эта онтологическая идея проводится и в классическом буддизме, и в трудах Свами Вивекананды. Бесконечная цикличность, чередующиеся инволюция и эволюция как свертывание и развертывание жизненного и духовного потенциалов индивидуального человеческого существа. При разных посылах философии Востока и Запада приходили к тождественным выводам, хотя первая исходила из духовной интуиции, вторая – из разума, логики рационализма.

Н.Ф. Федоров указывал на знание как действие, на необходимость прежде всего соединить религиозное знание с непосредственной активностью человека. Он писал об усилении практической стороны религиозного мировоззрения, то есть о *социализации религии*. Обрушиваясь с критикой на формы существования религий и неполноценность их функций, на разделение церковной и светской деятельности, русский философ ставил задачу глубокого проникновения зерен истинного духовного знания во все сферы действия человека. Его «Философия общего дела» предла-

² Философия йоги. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 225.

³ Циолковский К.Э. Щит научной веры. М.: Самообразование, 2007. С. 14.

гала конкретные методы и приемы религиозного действия, непосредственно вплетенного в социальную практику. Духовность как инструмент образования, воспитания, сближения армии и народа, соединения городских и сельских специальностей – вот суть его мысли.

В вопросах соотношения науки и религии можно рассмотреть еще один аспект. Два восточных автора, к которым, как следует из текстов дневников, Вернадский проявлял многолетний интерес, Шри Рамакришна и его ученик Свами Вивекананда, считали знание имманентным человеческому существу, изначально наличествующим в глубинах сознания и лишь постепенно проявляющимся. «...Никакое знание не приходит извне, – писал Вивекананда, – все оно находится внутри. Вместо того чтобы говорить, что человек “узнает” что-нибудь, мы, выражаясь строго психологически, должны были бы сказать, что он “открывает” или “раскрывает” это. То, что человек “изучает”, он в действительности “открывает”, снимая покров с собственной души, которая заключает в себе залежи основного знания. Мы говорим, что Ньютон открыл закон тяготения. Разве закон этот сидел где-нибудь в углу, ожидая Ньютона? Знание этого закона было в собственном уме Ньютона; пришло время, и он нашел его. Все знание, которое когда-либо получал мир, приходило из ума; бесконечная библиотека Вселенной находится в нашем собственном уме. Внешний мир дает лишь толчок, возбуждение, заставляющее вас изучать собственный ум; предметом вашего изучения всегда будет ваш собственный ум. Падение яблока дало толчок мысли Ньютона, и он принялся изучать собственный ум. Он перестроил все прежние звенья мысли в своем уме и открыл среди них новое звено, которое мы называем законом тяготения. Закон этот не содержался ни в яблоке, ни в чем бы то ни было в центре Земли»⁴.

Таким образом, истинно научное знание изначально содержится в человеческом уме в скрытом виде, и его можно получить, то есть осознать, сняв некие временные покровы, направив на эту вселенскую сокровищницу знания свое собственное внимание. Для этого чаще всего нужен какой-либо внешний толчок. Человек может быть всеведущ – такова мысль Вивекананды, прекрасно согласующаяся с античной теорией познания Платона. Знаменитое платоновское «знание как припоминание» говорит буквально об этом же, – что истина о внешнем мире содержится в самом уме человека. Человек является носителем знания

трансцендентных идей, порожденных самой Вселенной. «Знание скрыто в уме, как огонь в кремне»⁵, – утверждал Вивекананда. Восточный философ даже высказал мысль, близкую к генезису ноосферы: всеведущие люди были и в прежние времена, однако с развитием человечества их будет становиться все больше и больше. То есть возникнет *сфера всеведения*, в которую будет вовлечено большинство людей.

Как видим, строго научная теория ноосферы, развитая Вернадским, обрела один из своих доводов одновременно и в античной мудрости, и в мудрости представителей если не религиозной, то философской восточной мысли. Подобная гипотеза позволяет считать, что в области теории познания концепция ноосферы имела классическое философское обоснование, что и это не могло быть безразличным для такого глубокого ученого, каким был В.И. Вернадский.

Перейдем к религиозным терминам, которые упоминаются В.И. Вернадским в положительном смысле и которые он, по всей видимости, противопоставляет христианскому монотеизму: *гилозоизм* и *пантеизм*. Это разноплановые понятия. Идея всеобщего одушевления природы (гилозоизм) и идея самодостаточности, субстанциальности природы, в которой разлиты безличные божественные силы (пантеизм) – близкие, однако различающиеся направления философской мысли, исторически возникшие в разное время. Гилозоизм является наиболее ранней формой панпсихизма, идеи всеобщей одушевленности. Он был присущ еще древним мифологическим представлениям человека об окружающем мире. Пантеизм возник позже, был типичен для эпохи Возрождения и европейского скептицизма XVII–XVIII веков. Однако сходство между ними состоит в том, что и то, и другое воззрения не предполагают личного Бога как сверхприродного, трансцендентного существа.

Таким образом, симпатии ученого по отношению к гилозоизму и пантеизму понятны, если учесть его скептическое отношение к христианскому мирозерцанию с присущей ему идеей личного Бога. Силы природы разлиты в самой природе со всеми ее циклическими превращениями живого и косного вещества. Возможно, именно об этом свидетельствует загадочная фраза Вернадского «...гилозоизм и пантеизм получают эмпирическую научную основу, мне кажется, впервые». Владимир Иванович по стилю научного мышления мог примыкать к таким выдающимся ученым, как Д.И. Менделеев, И.И. Мечников,

⁴ Философия йоги. С. 229–230.

⁵ Там же. С. 230.

И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский и другие представители российской естественнонаучной школы. Для их мировоззрения был характерен научный оптимизм, скептическое отношение к христианской догматике (которая в контексте нашей темы обособляла и ограничивала роль духовной субстанции – души человека), пристальное внимание к силам природы, обеспечивающим постоянное обновление, совершенствование и взаимосвязанность живых форм. Мир живой природы, со всеми его потенциями, объяснялся из него самого, что в конечном итоге было характерно для гилозоизма и пантеизма.

Обратимся теперь к понятию *души*, которое является одним из центральных в христианстве и не фигурирует ни в индуизме, ни в буддизме. Корреляцией ему является понятие *реинкарнации*, или *метемпсихоза*. Термины греческого происхождения переводятся как «переодушевление», облачение души в новое тело и в равной мере присущи как древнегреческой, так и индийской мудрости (брахманизму, индуизму, позже буддизму). На быденном языке говорят о перерождении, или – совсем просто – переселении души. Однако в контексте мысли Вернадского необходимо обратить внимание на глубокое различие учений об этих понятиях и одновременно на сходство терминов, обозначающих духовную – бессмертную – часть человека в христианстве и в учениях Востока.

В христианстве термин «душа», или «дух», имеет значение субстанциальности, самосущности, неизменности. Согласно догматическому учению, душа сотворяется Богом из ничего, проживает короткую жизнь в дольном мире, представляя собой тесный союз с индивидуальным телом. Далее судьба души предстает разной для исторически преходящих поколений. Для людей, умерших ранее Второго пришествия и момента преображения, душа пребывает где-то отдельно от почившего тела и обретает духовное тело в момент преображения. Для того единственного поколения, которое застанет эти сакральные события в мире дольном, смерти как будто не должно быть, в рамках преображения произойдет обретение нового духовного тела.

Иное дело – в буддизме. В классической буддистской религии нет понятия души как субстанциального образования. Бессмертная квинтэссенция человеческого существа, которая продолжает жить, покинув очередное тело, представляет собой энергетический пульсирующий поток сознания, тот, что, проходя свой кармический путь, снова и снова обретает телесность, воплощается. При отсутствии строгого определения этот поток действительно интерпретируется как ступок энергии, одаренный сознанием.

Однако такие описательные термины, по существу, не прижились в западной и российской литературе. Не только в быденном, но и в научном языке таких исследователей буддизма, какими были О.О. Розенберг и Ф.И. Щербатской, говорится о душе. Этот термин вытеснил буквальные переводы по причине своей простоты и общедоступности, хотя содержание его, повторим, совершенно иное.

Можно теряться в догадках, почему представителей научного течения космизма далеко не удовлетворяла христианская концепция души человека, а вместе с тем и версия бессмертия, но это факт. Ее не принимали Н.А. Умов, Н.Г. Холодный, К.Э. Циолковский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий. Может быть, причиной было несоответствие между конечной и короткой жизнью в физическом мире и вечным пребыванием души в абстрактном, метафизическом мире, скрытом от глаз человека. Может быть, мыслителей не устраивала пассивная роль души, отведенная ей христианским учением: с ней что-то происходит; ее судьба кем-то устраивается... Может быть, неубедительным казалось учение о соединении и разъединении души и тела, асимметрия существования телесной оболочки и самого духа.

Теория метемпсихоза предлагает альтернативу, которая, по существу, во всех аспектах расходится с христианским пониманием. Индивидуальный поток сознания воплощается вновь и вновь, то есть существует прямая корреляция между бессмертной «душой» и множеством тел, в которых она последовательно пребывает. Возможно, сам аспект цикличности предстал убедительным, так как напоминал цикличность явлений в неживой природе. Вернадский однозначно выбирает метемпсихоз. Он пишет: «Метемпсихоз – и распадение человеческой личности на атомы. Без начала и без конца. Не только это логически допустимо, но, более того, и логически правильно: атомный (изотопный) состав тел живого вещества иной, чем состав косных природных тел». Он неоднократно подчеркивает коренное материально-энергетическое отличие живого вещества от косного, говорит даже о непреходимом различии между ними.

Таким образом, краткие заметки В.И. Вернадского предоставляют современному читателю достаточный материал для размышления о роли науки и религии в нашей жизни. Кроме того, упоминание великим ученым в своих трудах имен Шри Рамакришны, Свами Вивекананды, Шри Ауробиндо Гхоша и других может служить для нас побудительным мотивом к знакомству или очередному обращению к этим источникам восточной мудрости.

Из дневника 1943 г.

Вниманию читателей предлагаются выдержки из «Дневников» Владимира Ивановича Вернадского, публикуемых в составе «Библиотеки трудов академика В.И. Вернадского». Это издание было основано А.Л. Янишиным в 1990 году с целью наиболее полно представить тексты великого русского ученого. В настоящее время издано четырнадцать томов, в том числе «Труды по философии естествознания» и четыре тома «Дневников» (1921–1941). В ходе работы над пятым и шестым томами были выявлены неизвестные ранее тексты, в которых ученый излагает свои соображения о связи научного и религиозного познания мира. Проблема соотношения и взаимосвязи науки, философии, религии и искусства волновала его с юношеских лет, а интерес к индийской философии возник у него еще в середине 1920-х годов. «Всякая религия и всякое теологическое построение может сосуществовать с научным мировоззрением. Недавно прочитал Романа Роллана “Ганди” – джайнист и в сущности гораздо ближе к научным нашим построениям»¹, – записал В.И. Вернадский 28 мая 1924-го. Полностью дневник 1943 года печатается в составе тома «Дневники 1941–1943 гг.», подготовленного к изданию, и находящегося в стадии подготовки тома «Дневники 1943–1944 гг.».

В.П. Волков, отв. ред. «Дневников» В.И. Вернадского

Боровое. 7.IV.1943. Среда

...Огромные построения религиозных представлений только в одной форме подтверждения научной мыслью – и то только отчасти – представления индусов – веданты (кажется так?). Метемпсихоз – и распадение человеческой личности на атомы. Без начала и без конца.

Не только это логически *допустимо*, но, больше того, и логически правильно: атомный (изотопный) состав тел живого вещества иной, чем состав косных природных тел.

С этой точки зрения – [если] принимать во внимание метемпсихоз – представления современной индусской мысли (Вивекананда) заслуживают серьезного внимания. В природе – в биосфере в данном случае – ничто не пропадает и стройно логическая эмпирика может – и должна – распространить круговорот разрушения тела живых организмов и на процессы, связанные с его разрушением. Открываются огромные горизонты.

По существу научная мысль не может быть в стороне от религиозных переживаний и не может исчезнуть, т[ак] к[ак] она касается прежде всего *этики* – действий – поведения человека. Ясно сейчас, что старые религии без основных поправок не могут удержаться. Но и заменить ре-

лигии государственными распоряжениями – мечта бессмысленная <?>²

Архив РАН (АРАН). Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 7 об.–8.

28.V.<1943>. Пятница, утро

...Несомненно, наука не дает полной картины мира – а философия и религия отстали, но все больше отстают от научных – конкретных – представлений.

В религиозном мышлении – два течения – 1) антропоморфный мир – больше [в] религии народных масс – мораль [основана] на равенстве рас и цветов [кожи] и 2) мир – космос, в котором человек исчезает, как реально – даже для планеты было <...>³. Это начинает исчезать (ноосфера).

Мне кажется, что другие формы религиозного переживания являются более реальными – вроде пантеизма и гилозоизма, выступают на первое место. Резкое различие живого *материальное* это отвечает.

Любопытно, что *музыка* дает возможность и здесь – независимо от роли научно-философских исканий к этому приходит⁴.

Ноосфера неизбежно будет связываться с религиозным – этого рода? – возрождение и...⁵

¹ Вернадский В.И. Дневники. 1921–1925. М.: Наука, 1998. С. 116.

² Фраза не окончена.

³ Слово неразборчиво.

⁴ Смысл этой фразы понять не удалось.

⁵ Фраза не окончена.

В музыке – другой реальности – религии такие как пантеизм, гилозоизм, выражается еще резче: 5.III. 1895 года Н.А. Римский-Корсаков писал В.В. Ястребцову: «обличая мою действительную склонность к пантеизму, вы не коснетесь моего официального вероисповедания и не навлечете на меня гнев духовенства» (Победоносцев, Саблер, Т. Филиппов и М. Балакирев). См.: А. Римский-Корсаков. Н.А. Римский-Корсаков. IV. М., 1937. стр. 67.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 9.

Боровое. 15.VIII.1943, воскресенье

В религии есть достижения, которые построены эмпирически и могут, следовательно, проявиться научно, если основываться в научной работе по возможности целиком не на научной теории – всегда связанного с философией, а на логике вещей и эмпирике.

Говоря о религии, мы считаемся с огромным, многотысячелетним построением, которые...⁶

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 11 об.

Боровое 17.VIII.1943, вторник

Есть ли реальное в религии, как оно есть в науке? Есть ли боги? Есть ли единый бог?

Религия определяет поведение человека?

Мне кажется сейчас научно-эмпирически – вне теорий и гипотез – начинает выявляться резкое коренное материально-энергетическое отличие живого вещества от косного у земных и космических тел.

Планетное явление жизни.

Недавно я вновь, второй или третий раз перечитывал последние дни (в русском переводе) Р. Роллана (R. Rolland) «Жизнь Рамакришны и Вивекананды»⁷, которую здесь мог достать. Мои два экземпляра погибли во время обысков – франц[узский] – у Гизетти⁸ – а русский – не помню кого.

⁶ Фраза не окончена.

⁷ Роллан Р. Собрание сочинений. Т. 19. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. Пер. под ред. М. Салье. М.: Худож. литература, 1936. 322 с.

⁸ Гизетти Александр Алексеевич (1888–1938) – филолог. После 1929 г. – в ссылке (как бывший эсер), по ложному обвинению арестован в 1938 г., умер в тюрьме. См.: Вернадский В.И. Дневники 1935–1941 гг. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 195–196.

⁹ Брахмосамадж (общество Брахмы) – основано Р.М. Роем (см. ниже) в 1828 г., члены общества отрицали идолопоклонство, выступали против таких древних обычаев, как детские браки, самоожжение вдов.

¹⁰ Фраза не окончена.

¹¹ В современной транскрипции Гхош Ауробиндо (1872–1950) – индийский религиозный философ, поэт, сторонник синтеза традиций индийской и европейской мысли.

¹² Приводим полный текст цитаты: «Итак, Рой хотел создать универсальную религию, и его приверженцы и друзья охотно давали ей название “универсализм”. Но я нахожу, что слово это здесь неприменимо в его полном и настоящем смысле, так как Рой исключал всякую форму политеизма, от низшей до самой высокой. Если же смотреть без иллюзий на религиозную действительность нашего времени, то надо признать, что политеизм – включая в это понятие самые высокие и утонченные его формы, как конфуцианство, христианское троебожие – владычествует по меньшей мере над двумя третями человечества. Рой называл себя более правильно индусом-унитарием».

¹³ Арьясамадж (общество ариев) – основано Д. Сарасвати в 1875 г. с целью распространения учения о возвращении к религии древних ариев.

Я в 1936 г. в Лондоне (последняя поездка в 3[ападную] Европу) ближе ознакомился с индийской (и азиатской) философией и наукой и считаю, что [эта] философия, когда она (и китайская) не принимается во внимание – до известной степени объясняет то относительно малое её значение в современной европейской филос[офии] [и] науке.

«Еще до наших дней не восстановлена непрерывная цепь мысли, связывающая мыслителей Индии с первыми творцами эллинской философии» (Р. Роллан. Собр[ание] сочин[ений]. [Т] XIX. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. Пер. под ред. М. Салье. М. 1936. Стр. 42).

D. Saurat. Milton et le materialisme chretien en Angleterre. P. 1928. «Gospel of Sri Ramakrishna». 1–st ed. Madras, 1897 – про жизнь Вивекананды последние [годы], 1922–1924.

«Кто знает о мощном пробуждении Индии – обосновании Брахмосамаджа⁹, я имею в виду Рам Мохан Роя» (1774–1833) (стр. 60). О нем Ramananda Chatterjee «Ram Mohun Roy a[nd] modern India». 1918. Рой хотел создать универсальную [религию]¹⁰.

Аурибиндо Гоз – с ним я книжно встретился в 1936¹¹.

Рой: «Теизм Роя пытается связать, в их крайних точках, Абсолютное начало Веданты с идеями европейских энциклопедистов XVIII в. – боги без образа и Разум». [стр. 65].

Рой «положил начало новой эре в Индии и во всей Азии» (стр. 65).

«Рой исключал всякую форму политеизма от высшей до низшей. Если же смотреть без иллюзий «политеизм» владычествует над 2/3 человечества» (ib. [стр.] 64)¹².

Keshab Shunder Sen (1838–1884). «A voice from Himalayas». Simla, 1927. p. 70–71.

Даянанда Сарасвати (1824–1883) – о нем Ладжат Рой. The Arja samaj¹³. 1915.

«The life of Swami Vivekananda». (vol.) I–IV. Him. 1914.

...Подражание Христу...¹⁴

р. 201. Свами Сарадананда († 1927) – биография Вивекананды¹⁵ на бенгальском языке I–II [тома] переведена на англ[ийский] (В[ивекананда] как гуру – учит[ель]).

Св. Франциск¹⁶. Перечитывал в этом году – в Боровом – всю Библию – я остался в том же к ней настроении и тогда, когда гимназистом прочел ее тоже сейчас – тоже отрицательное впечатление в целом. Я пользовался комментарием – 16.VIII.1943. «Бхагавадгита»¹⁷.

Стр. 219. Вивекананда 2 года пешком по Индии – голый и [в] нищете: II, 1891 – Альвар. IX, 1891 – Катхиавар. X, 1892 – Белгаунн, Порбандар. 8–9 мес[яцев]. Кон[ец] 1892 – Каньякумари.

[стр.] 227. Поездка Вивекананды в САСШ из Бомбея 31 .V. 1893.

[стр.] 229–230. 11.X. Выступление в Чикаго (предст[авлял] индуизм с огр[омным] успехом).

[стр.] 230–234. 19.X. «Опыт изложения индуизма». Возбудил против себя теософов, христианских [священников]¹⁸.

Уот Уитмен¹⁹. ...природы...²⁰ жизнь.

Э. По. «Eureka»²¹.

Р. Ингерсолль – агностик, материалист²².

Р. 256. В 1895–1896 Вивекананда сделал известным в Америке значение своего учителя Рамакришнана.

R. Rolland. «Жизнь Толстого», р. 258²³.

Sister Nivedita. «Notes of the Wonderings with Vivekananda». Calc[utta] (Udbodhan Office)²⁴.

Nivedita. «Master as I saw him»²⁵. L. 1910 (Longmans and Green).

Nivedita. «Cradle tales of Hinduism»²⁶.

Sister Nivedita – Margaret Noble (1911)²⁷.

Р. 273–274. Сомнение в реальном Христе (Вивекананда в США).

Вивекананда † 4.VII.1902 (род[ился] в 1863 – [ему] не было и 40 лет).

См. стр. 22 [начало записи от 17.VIII] отличие [косных и живых природных тел проявлено] до химических элементов включительно. В моей научной работе – опираясь на эмпирические обобщения – но не [на] научные теории и гипотезы, я неизбежно должен встретиться с религиозными явлениями, а не только с научными, если в религиозных построениях²⁸ ...

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 11 об.–13.

Боровое, 18.VIII.1943, среда

Я прочел здесь в Боровом еще раз всю Библию в экземпляре, бывшем у Кати²⁹. Первый раз я прочел всю Библию гимназистом, когда я очень интересовался историей церкви – в гимназии в Петербурге [был] свящ[енник] М. Соколов. Здесь же ознакомился с христианской научной критикой: «A companion to the Bible» (ed. by T. Manson. N.Y., 1939). В большой французской [книге?] много темной истории – я прочел уже после 1935 года всю историю времени Библии.

¹⁴ Фраза неразборчива.

¹⁵ Это ошибка: речь идет о биографии Рамакришны (учителя Вивекананды. – *Ред.*).

¹⁶ Очевидно, имеется в виду Франциск Ассизский (в миру Джованни Бернардоне) (1181 или 1182–1226) – странствующий итальянский проповедник, проповедник бедности как высшего блага, основал монашеский орден францисканцев в рамках верности католицизму. Канонизирован в 1228 г.

¹⁷ «Бхагавадгита» («песнь Господа», т. е. Кришны) – древнеиндийская религиозно-философская поэма, часть «Махабхараты», состоит из 700 стихов, сочинена в III–II вв. до н. э. текст ее выучивают до состояния полной отстраненности («нирвана»). Идеи «Бхагавадгиты» оказали определяющее влияние на философию Вивекананды, А. Гхоша.

¹⁸ Приведем фрагмент речи С. Вивекананды, цитируемой Р. Ролланом: «Христианину не надо стать индуистом, или индуисту – христианином, или буддисту – христианином. Но каждый должен проникнуться учением других, не переставая культивировать свою индивидуальность и развиваться сообразно своим собственным законам... На знамени каждой религии будет вскоре начертано, невзирая на ее сопротивление: “взаимопомощь, а не борьба. Взаимное проникновение, а не разрушение. Гармония и мир, а не бесплодные дискуссии”». Цит. по: указ. соч. С. 231.

¹⁹ Уолт Уитмен (Whitmen) (1819–1892), американский писатель, журналист. В своих стихах воспевал идеалы планетарной демократии, участвовал в гражданской войне на стороне северян против рабовладельцев Юга, проповедовал антиклерикализм.

²⁰ Два слова неразборчивы.

²¹ По мнению Р. Роллана, в книге американского писателя Эдгара По «Eureka» (1848) прослеживаются мысли, созвучные «Упанишада» (древнеиндийские философские книги).

²² В современной транскрипции Ингерсолль (Ingersoll) Роберт (1833–1899), американский философ и оратор. Проповедовал агностицизм и антиклерикализм, был идейно близок У. Уитмену.

²³ Роллан Р. Собрание сочинений. Т. 14. Героические жизни. Бетховен. Микеланджело. Толстой. Л.: Время, 1933. 347 с.

²⁴ Сестра Ниведита. «Записки о странствиях с Вивеканандой». Калькутта (англ. – *Ред.*).

²⁵ Ниведита. «Учитель моими глазами» (англ. – *Ред.*).

²⁶ Ниведита. «Древнейшие каноны индуизма» (англ. – *Ред.*).

²⁷ Англичанка Маргрет Ноубл (1890–1911) в 1898 г. приняла индуизм, была посвящена в монашеский орден. Ученица и последовательница С. Вивекананды.

²⁸ Фраза не окончена.

²⁹ Ильинская Екатерина Владимировна (1882–1962), родная сестра жены Г.В. Вернадского, – сына Владимира Ивановича. – *Ред.*

Вторично, после перерыва [в] несколько лет прочел здесь в Боровом – это [за] последние дни – Ромэна Роллана «Рамакришну и Вивекананду» и углубился – с логической точки зрения – в вопрос об отношении науки к религии.

Тем более это верно, что я считаю, что гилозоизм и пантеизм получают эмпирическую научную основу, мне кажется, впервые.

В религии мы имеем два резко различных представления – с одной стороны:

1) религия, которая придает божеству или божествам *человекоподобный образ*, только более могущественный, чем человек.

2) религии без бога – такие как пантеизм, гилозоизм. Таковы представления стоиков.

3) различный характер строящих живое вещество и вещество косных природных тел, ярко выражающийся в развитии.

4) религия имеет задачей определять *поведение человека* – т[ак] к[ак] есть естественная этика – мораль. *Этика* может иметь смысл только по отношению к *живому*.

5) живой организм, умирая, может распадаться на свои основные составные части, которые в виде химических элементов различны для живого и природного косного тела.

6) это различие реальное – существование *вне* материального тела (души) может считаться доказанным – хотя [можно] возражать против продолжения исканий в этой области, т[ак] к[ак] научно она только затронута научной работой.

7) история религий дает нам только модели гипотетических процессов их создания. Мне кажется, что модели возможного зарождения религий являются гипотетическими построениями, [а] не реальными фактами. А политеизм сейчас захватывает 2/3 человечества – в том числе и православие, и католичество.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 13, 14.

Боровое. 20.VIII. 1943, утро.

Отрицание [религии] – *атеизм* – когда научно вопрос не изучен – может быть рассматриваем как научная гипотеза и только. Тем более, что мне кажется сейчас доказанным резкое различие – непроходимое – между *живым веществом* (в моем понимании, как совокупности живых организмов) и косными природными телами.

Я считаю представление об атеизме – философским, не научным представлением и как таковым, не отвечающим реальности – области научного знания. В основу научного изучения религиозных

построений надо положить следующие эмпирические обобщения и такие утверждения:

1. Жизнь есть *планетное*, а не только земное явление.

2. Религия имеет своей задачей *определение поведения человека* (и живого вещества вообще в меньшей степени).

3. Возможное в связи с этим построение *научной этики*. В свое время я читал попытки кн[язя] П. Кропоткина, они мне казались неудачными.

4. Существуют, мне кажется, непонятные – до сих пор – явления: разум и *труд* человека, вместе взятые [они] перестраивают нашу планету – между тем разум человека *не* есть форма энергии. Как он может изменять ход геологических и физико-химических процессов в биосфере?

5. Среди бесчисленных представлений много-сотлетняя научная работа была направлена на верование о существовании, но смутно, – «*души*» человека. До сих пор это представление не получило решения. Огромная литература. Немногие научно поставленные искания не дали решающего результата. Упорно стремятся в течение долгих поколений найти³⁰...

6. По отношению к Христу нет никаких реальных указаний на его существование и потому можно считать, что его реального сейчас многие отрицают – фольклор.

7. Религиозные представления – чувство окружающего – имеют по существу проявление личности – самое глубокое, какое есть. Научное понимание окружающего резко противоречит исторической традиции.

8. Религиозные представления о реальности – по существу религиозно-философские, явно сейчас сталкиваются с научными достижениями. Сейчас мы переживаем глубокий идейный кризис. Великие религиозные построения Азии – *единство всего живого* – заменяют фантастические представления о *первенстве* людей. Дикую [идею] *Uber Mensch*³¹ проводят свою дикую миссию, которая неизбежно должна кончиться крахом старых немецко-римско-японских аморальных [принципов].

Научная мысль оказалась слабой по сравнению со звериной этикой Гитлера, Муссолини и их шайки.

Два течения – биологическое равенство *Homo sapiens*, отвечающее реальности, и расы господ и расы невольников – идеалы Германии и Рима.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 22. Л. 14–14 об.

Публикация, подготовка текста и комментарий В.П. Волкова

³⁰ Фраза не окончена.

³¹ Сверхчеловека (нем. – *Red*).